

Меню журнала

> Архив номеров

> Рубрики

> О журнале

> Авторы

> Требования к статьям

> Порядок рецензирования статей

> Ретракция статей

> Этические принципы

> Политика открытого доступа

> Оплата за публикации в открытом доступе

> Публикация за 72 часа: что это?

> Политика авторских прав и лицензий

> Политика цифрового хранения публикации

> Политика идентификации статей

> Политика проверки на плагиат

Реквизиты журнала

Публикация за 72 часа - теперь это реальность!

При необходимости издательство предоставляет авторам услугу сверхсрочной полноценной публикации. Уже через 72 часа статья появляется в числе опубликованных на сайте издательства с DOI и номерами страниц.

По первому требованию предоставляем все подтверждающие публикацию документы!

ГЛАВНАЯ > Вернуться к содержанию

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Резник А.В. — К изучению языка документов оппозиционеров-заключенных Верхнеуральского политического изолятора // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 1. – С. 39 - 47. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.1.34804 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34804

К изучению языка документов оппозиционеров-заключенных Верхнеуральского политического изолятора

Резник Александр Валерьевич

кандидат исторических наук

доцент департамента истории, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, кампус в г. Санкт-Петербург

190121, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Reznik Aleksandr Valerievich

PhD in History

190121, Russia, Sankt-Peteburg, g. Saint Petersburg, ul. Soyuzu Pechatnikov, 16

✉ reznik07@gmail.com

DOI:

10.7256/2454-0609.2021.1.34804

Дата направления статьи в редакцию:

03-01-2021

Дата публикации:

10-01-2021

Аннотация.

В статье впервые в историографии делает предметом анализа политический язык «Тетрадей Верхнеуральского политического изолятора» — корпуса текстов, написанных заключенными коммунистическими оппозиционерами в 1932-33 годы. Эти документы стали достоянием общественности лишь в 2018 году. Они практически не введены в научный оборот, что осложняет задачу авторства, детальной реконструкции практик создания и распространения «тетрадей», но тем самым делает более актуальным внимание к текстам как таковым, рассмотренных в их политическом и культурном контексте. Автор ставит вопросы о риторических и прагматических особенностях текстов различного жанра. Тексты рассматриваются в контексте дискурса о языке 1920-ых и начала 1930-ых гг., канонических формул письма революционеров, а также фактора тюремного заключения и внутренних дискуссий в сообществе авторов. В статье выделяются сходства и различия с так называемым «советским языком» в аспектах использования клише, приемов цитирования и стилистической эклектики. Автор выдвигает гипотезу, что стилистика текстов несла на себе отпечаток культурного уровня авторов и условий тюремного содержания, в сочетании которых обнаруживались как следы канонических политических нарративов революционеров, так и канцеляризованного деперсонифицированного языка. Делается вывод, что «тетради» работали на поддержание групповой идентичности оппозиционеров, и могут быть рассмотрены в качестве языка сопротивления.

Ключевые слова: большевики-ленинцы, коммунистическая оппозиция, советский политический язык, троцкизм, советская политическая история, сталинизм, советский социализм, СССР, антисталинизм, советские репрессии

Keywords:

Bolshevik-Leninist, communist opposition, Soviet political language, Trotskyism, Soviet political history, Stalinism, Soviet Socialism, USSR, anti-stalinism, Soviet repressions

В данной статье анализируется язык политических произведений заключенных Верхнеуральского политического изолятора — большевиков-ленинцев (троцкистов и левых коммунистов). Если под языком понимать стилистические и риторические особенности выражения политических взглядов и дискурсивную практику, то его анализ позволит приблизиться к более точному представлению как о политическом «микросоуме» этой небольшой группе, так и о политических реалиях, в которых они существовали. Кем были эти заключенные? Исследователи корпуса документов, известных под названием «Тетрадей Верхнеуральского политического изолятора» (далее — ТВПИ), сталкиваются с элементарной проблемой идентификации имен большинства авторов [3, 21]. Хотя доступно менее трех десятков документов, большая часть из которых были написаны анонимно-коллективно. Можно предположить, что целенаправленной консервации были подвергнуты именно политические документы, в первую очередь, журнал «Большевик-ленинец», в то время как эго-документы могли не сохраниться по целому ряду неизвестных исследователям причин.

На актуальность изучения языка оппозиционеров наталкивают немногие сохранившиеся свидетельства очевидцев, переживших тюремное заключение в Верхнеуральском изоляторе. Наиболее важным является воспоминания Антэ

Цилиги: «Какое разнообразие мнений было представлено здесь, какая свобода в каждой статье! Какая страстность и открытость в рассмотрении не только теоретических и абстрактных проблем, но и самых актуальнейших вопросов!» (Цит. по: [3, с. 7]). Представляется, что Цилига подразумевал устную форму дискуссий, бывшую составной частью субкультуры оппозиционеров. Репертуар общеизвестных практик был известен многим заключенным людям по письменной и устной традиции, составляющей мифологию большевизма, воспроизводимую через ритуалы политической речи.

Преследуя цель рассмотреть стиль политического языка ТВПИ, следует кратко упомянуть контекст изучения литературно-политической деятельности большевиков в заключении. Дмитрий Шляпентох проанализировал письма ссыльных оппозиционеров, посвященные анализу трансформации советского режима в конце 1920-ых годов [22]. Игал Халфин впервые подробнейшим образом рассмотрел дискурсивные практики партийцев в 1930-е годы [1]. Юрий Слезкин дал картину рефлексии «старых» большевиков во время политического террора 1930-ых гг. [16]. Известно, насколько продуктивным, в литературном плане, стало последнее тюремное заключение Николая Бухарина [19]. К сожалению, эти и другие авторы, базируясь на разных источниках, упустили из внимания рядовых оппозиционеров, их практики «проработки» ситуации, в которой они оказались.

Обращаясь к проблеме особенностей языка заключенных оппозиционеров, уместно задаться рядом взаимосвязанных вопросов: Как отражалось положение заключенных на их практиках письма? Был ли это язык сопротивления? Как выйти на «следы» речевых актов в нарративе? Следует ли рассматривать их как часть советского политического дискурса? Соответственно, можно ли выделить особый язык или стиль заключенных, «оппозиционный» стиль?

Генеалогия дискурсивного стиля оппозиционеров отражала гетерогенный характер их политической общности. За десять лет до появления основных текстов, рассматриваемых в этой статье, Лев Троцкий, как главный авторитет для большинства заключенных, публикует статью «Борьба за культурность речи», в которой дает такие «установочные» формулировки: «Язык есть орудие мысли. Точность и правильность языка есть необходимое условие правильности и точности самой мысли. К власти у нас пришел, впервые в истории, рабочий класс. Он принес с собой богатый запас трудового жизненного опыта и речи, на этом опыте выросшей. Но он же принес с собой недостаточную грамотность, не говоря уже о литературной образованности. Вот почему правящий рабочий класс, дающий всей своей социальной природой гарантии дальнейшего могущественного развития русской речи, не всегда оказывает пока что необходимый отпор проникающим в обиходный и газетный язык словам и выражениям — лишним, ненужным, неправильным, а иногда и отвратительным» [17]. Это выступление Троцкого не было случайным в контексте внутривнутрипартийной борьбы накануне смерти Ленина — дискуссии о культуре тесно перекликались с политической борьбой [12]. В 1926 году он вновь обращает к вопросу о языке: «Культура есть явление общественное. Именно поэтому язык, как орган общения людей, является важнейшим ее орудием. Культура самого языка — важнейшее условие роста всех областей культуры, особенно науки и искусства. <...> в деле языка — умения выбирать надлежащие слова и надлежаще сочетать их — необходима постоянная систематическая кропотливая работа над достижением высшей точности, ясности, яркости. Основой этой работы должна быть борьба с неграмотностью, полуграмотностью и малограмотностью. Следующая ступень той же работы — овладение классической русской литературой» [18, с. 173]. Троцкий не был одинок в своей озабоченности культурой русского языка.

В 1927 году Осип Пушас, впоследствии лидер группы «Воинствующий большевик» Верхнеуральского политизолятора, публикует статью в литературно-критическом и теоретическом журнале «Новый ЛЕФ» под характерным заголовком «К вопросу о шаблоне и безграмотности». Пушас обрушивает критику на официальную печать: «Газета делает людей безграмотными. В приходящего в газету свежего человека вколачивают штампы, из которых делается обычный газетный материал...» Более того, с точки зрения автора, «языкового бескультурья в наших газетах никто отрицать не станет. Факты эти достаточно ярки, для того чтобы даже при желании их можно было бы не заметить». Последний фрагмент краткой статьи Пушаса имеет прямую связь с реалиями политического быта 1920-ых годов: «Нужно дать возможность газетчику разговаривать в газете своим голосом, а не фальцетом редактора, проезжающего из райкома в губком со случайной остановкой в редакции» [11, с. 43-45]. Это был вполне определенный выпад в адрес бюрократизма, хотя и без оппозиционной нагрузки.

Троцкий и Пушас видели практическую необходимость проговаривать такие, казалось бы, очевидные истины, но, в общем и целом, ТВПИ звучат как типичные советские документы, за которым закрепился ярлык *langue de bois* (деревянный/дубовый язык) [15]. И хотя само это понятие — клише из словаря «тоталитаристской» парадигмы, проблематика и тематика текстов оппозиционеров говорит о сравнительной замкнутости универсума дискурса. Если обратиться к «классическим» текстам революционеров, включая и вождя большевистской партии, обращает на себя внимание присутствие исторических экскурсов, широкий литературный контекст полемики, и т.д. В случае ТВПИ нарратив упирается в миф основания оппозиции в 1923 году, который затмевает даже события революции 1917 года, не говоря уже о таких узловых датах, как 1921 год, когда на партийном съезде были запрещены фракции и группировки.

Замкнутый универсум политических возможностей соседствовал с бескрайним горизонтом ожидания мировой революции, выразившимися в необходимых риторических оборотах. «Ленинская оппозиция есть прежде всего международное течение. Ее возникновение и развитие коренится в глубоких изменениях всей международной обстановки, наступивших вслед за поражением первой волны европейской революции в 21-23 гг.» — так начинается один из центральных программных текстов [4]. Программные вопросы рассматриваются под углом международной обстановки, а перспективы политических изменений внутри страны ставятся в зависимость от перспектив мировой революции.

Практики самоидентификации — ответы на вопросы «Кто я/мы?» — редко предстают ясными и четкими. Но в некоторых оборотах проявляются особенности: это оппозиция, но оппозиция «ленинская», или «оппозиция большевиков-ленинцев» (авторитет Ленин никогда не подвергается сомнению и критике). Здесь, как и прежде, на уровне самоидентификации, речь не идет ни о «троцкистской» оппозиции, ни о «троцкизме». В программном документе «Кризис...» повествование об «основных этапах развития тактики Ленинской оппозиции» начинается с характерного риторического оборота: «Первый этап оппозиционного движения представлял собой стихийную реакцию парт. масс против начавшейся бюрократизации партии, которая являлась основной формой давления на партию мелкобуржуазной стихии» [4]. Этот оборот происходит от мастер-нарратива о генеалогии марксизма и большевизма.

По логике авторов, если партия — это авангард рабочего класса, то оппозиция это авангард самой партии. Выполняя при авангардную роль партии, оппозиция заявляет о себе, как о «единственном представителе позиции пролетариата». «Работа ленинской оппозиции должна помочь рабочему классу осмысливать происходящие события и организоваться в борьбе на защиту Октября», — декларируют они в своем центральном коллективном опусе, — «Наш курс на восстановление и завоевание массовых рабочих организаций и есть основной путь реформы. Мы подготовляем его своей активной нелегальной работой в рабочем классе» [2]. От лица пролетариата сформулированы программные установки: «...Таковы общие требования, которые будет отстаивать пролетариат, и в борьбе за которые будет его

возглавлять ленинская оппозиция, уже 9 лет непримиримо защищавшая октябрьское знамя в жестоких боях против национал-социализма господствующей бюрократии» [4].

Неотъемлемый атрибут политического языка — это образ Другого. В текстах ТВПИ эту роль занимает бюрократия, часто, «советская бюрократия», как синоним и партийной бюрократии. Понятие бюрократии не требовалось разяснять: все понимали, что речь идет о некоей группе власть предержащих, или, устами авторов одного из документов, «бюрократическом исполнительном аппарате, который сделался (по выражению т. Раковского) всё и вся» [7]. Бюрократия предстала как в образе «бюрократическо-верхушечные элементов», так и в образе анонимной коллективной массы. Неизменным политическим атрибутом бюрократии был «центризм», иногда «сталинский центризм».

В одном из текстов провозглашалось, что «лозунг раскола партии и создания второй партии — это лозунг Сталина...». При этом вопреки стереотипу о «троцкистах», Сталин встречается редко в образе врага как таковой (а кроме него не упоминается никто из политической верхушки). Понятие «сталинизм», как и «троцкизм», не встречается вовсе. Лишь один автор употребляет понятие «сталинщина» — и, в коллективном ответе ему, другие заключенные [10]. В прямой переписке с работами Троцкого, Сталин выступает не более чем представителем центристской бюрократии. Поэтому авторы считали уместными фразы типа «сталинская статистика» [5].

Это язык, рожденный в годы революции, который не верно называть «советским», он возникнул помимо злой воли государства, это был стихийный процесс трансформации языка в годы войн и революций, на что обратил внимание советский лингвист А.М. Селищев [14]. Среди специфических, в плане стиля, оборотов, звучали «осередняченное крестьянство» [6] и «послеплатформенный период господства бюрократии» [5]. Рассмотрим в качестве примера анализ положения рабочего класса из одноименной части центрального коллективного документа оппозиционеров. Так описываются негативные социальные последствия индустриализации: «борьба против политики централизма, начатая рабочим классом в 1928/29 гг., оказалась смывтой напором многомиллионной армии пришельцев <...> ...политика разводнения основных кадров индустриального пролетариата выходцами из других слоев...». Далее, повествуя о «гигантском росте» негативных явлений в экономике, как «результате ультралевой авантюры», авторы сбиваются с канцелярско-бюрократического стиля на стиль памфлета: «...в 1930 и 1931 гг. начал резко, и в первые после войны, замедляться прирост населения, упав с 2,5% в 1929 г. до 2,1% в 1930 г. и до 1,8% в 1931 г. Если учесть, что прирост населения определяется вычетом из суммы родившихся общего количества умерших, то данные цифры означают ничто иное, как расплату рабочего класса и страны миллионами человеческих жизней за политику централизма» [5]. Приведенные здесь примеры стилистической эклектики — довольно распространенная «болезнь» политического языка своего времени.

Оппозиционеры впитывали и воспроизводили штампы, рассыпанные на страницах официальной советской печати. Разнообразные *-измы* и лозунговость служат типичным примером: «Теория революционного Марксизма, — перманентная революция — есть теория Маркса-Ленина-Троцкого» [13]. Одна из тетрадей заканчивается здравицами — по своей сущности чисто ритуальным приемом, роль которого тесно связана с приемом ссылок на авторитеты. «Ограничимся пока этой цитатой. Но если она не удовлетворит т. Sun'a, то мы готовы привести ему еще, чтобы он напрасно не тревожился и не жил иллюзиями того, что т. Троцкий вдруг повторит вслед за т. Sun'ом его формулу» — проблема уместности такого «авторитетного цитирования», как и более широкая проблематика культа личности, не затрагивалась авторами тетрадей [9]. Цитаты из непререкаемых авторитетов помещались без комментариев. Это особенно типично для платформы «Кризис революции и задачи пролетариата» [7]. С одной стороны, это прием советско-партийного официоза, но с другой стороны — его использование диктовалось не только политическим стилем как таковым, но и более прозаическими соображениями экономии дефицитного и де факто контрафактного ресурса.

В целом авторы ТВПИ не считали зазорным употреблять лидеро-центричные обороты. Так, в одном из сохранившихся дискуссионных опусов отсылки к авторитету Троцкого начинались с первых строк: «Не однажды Троцкому приходилось указывать на ту фатальную опасность <...> на это неоднократно указывал Л.Д. [Троцкий]...» [13]. Другой дискуссионный текст начинался с указания на «предсказания» Троцкого, который тот давал в одной из своих статей [8]. Встречались и отсылки к авторитетным оппозиционерам помимо Троцкого: «В свое время над опровержением этого рецепта поработало немалое количество оппозиционных экономистов и среди них такие крупные величины и знатоки нашего хозяйства как Е. Преображенский и В. М. Смирнов» [8]. Примечательно, что к моменту написания этого текста Преображенский уже капитулировал.

В немногочисленных полемических текстах из корпуса ТВПИ доминировала авторитарная манера письма. Хорошо известный специалистам по «советскому» письму *троп несомненности* обнаруживается в отдельных полемических произведениях:

«Неужели т.т. думают, что партия руководила октябрём вслепую, не вооружившись теорией пер[манентной] рев[олюции]?»

Неужели т.т. не знают, что программа партии, написанная Лениным, и принятая на 8 съезде Р.К.П.(б), заключает в себе сущность теории пер[манентной] рев[олюции]?»

Неужели и это ещё не понятно?» [13].

Подчеркнутая *декларативность* текстов могло выполнять терапевтическую функцию. Это особенно заметно во фрагментах, посвященных перспективам развития революционной ситуации: «Те коммунисты, которые хотя бы в тюрьме продумают, какие причины привели членов компартии под расстрелы и в тюрьмы, а не к захвату власти пролетариатом под руководством коммунистической партии — эти коммунисты еще сидя в тюрьме сомкнутся с нашими идеями и лозунгами». Оторванные от реального движения рабочего класса (практически не существующего), они формулируют свое видение в соответствии с канонами революционного оптимизма: «Наше участие в рабочем движении состоит в том, чтобы усиливать свое влияние, строя свою нелегальную — централизованную, хорошо снабженную техническими средствами и мировыми связями на заводах, фабриках и во всех промышленных центрах организацию» [4]. Разумеется, ни в одном из текстов не пояснялось не пояснялось, что стояло за этим декларациями, поэтому такую «работу веры» можно интерпретировать как терапевтическую. Тексты, предназначенные для внутреннего пользования, кому-то могли помогать находить смысл в той ситуации прозябания в тюрьме. В экспрессивных декларациях маркируется революционная идентичность, восходящая к идеалам борьбы за свободу и справедливости, служившим семантическим маркерами идентичности революционера. «Тяжесть этой обстановки значительно усугубляется проводимой политикой закрепощения труда: рабочие все более превращаются в подневольных рабов своей заводской администрации» [5] — в этом и подобных фрагментах обнаруживаются следы канона риторики революционеров. На резкость формулировок отдельных авторов указывал исследователь А.В. Гусев [2]. Приведем показательный фрагмент: «В условиях все растущего политического террора по отношению к подавляющему большинству трудящихся, когда вся

общественность задушена, управляющие выступают бесконтрольными эксплуататорами по отношению к управляемой колхозной массе» [20].

Представляется несомненным, что условия многолетнего тюремного заключения накладывали свой отпечаток и на риторику, и на прагматику письменной коммуникации авторов ТВПИ. В письме уживались пафос и экономность. В целом это был язык поддержания и воспроизводства революционного, большевистского дискурса как средства поддержания идентичности, и в этом плане — язык сопротивления. Безусловно, риторика оппозиционеров находилась в амбивалентном отношении к языку крепнущего сталинистского дискурса: несмотря на общее происхождение и ряд схожих черт, тексты оппозиционеров маркированы и отличиями. Так, в обиходе реже встречается тавтология как характерный прием «убеждения» сталинизма, отсылка к «научности» как инструмент для аргументации и ритуальные клятвы верности (идеям, делу, знамени и т.д.). Наконец, учитывая то, что Троцкий в те же самые годы писал на языке, гораздо более изощренном в стилистическом плане, и едва ли мог одобрять малограмотные творения своих сторонников, простота и грубость стиля заключённых троцкистов служит лишним доказательством того, что, как политическая общность, они сводились к фанатичным последователям своего вождя.

Библиография

1. Halfin I. *Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009.
2. Гусев А. В. «Социализм на конной тяге»: сталинская коллективизация деревни в оценках коммунистической оппозиции // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 12-21.
3. Гусев А. В. Сталинизм глазами троцкистов: дискуссии о характере сталинского режима в среде левой коммунистической оппозиции в конце 1920-х – 1930-е гг. // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации. М., 2015. С. 7-18.
4. Кризис революции и задачи пролетариата. IX. Тактика и задачи ленинской оппозиции / Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области.
5. Кризис революции и задачи пролетариата. V. Положение рабочего класса. / Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области.
6. Кризис революции и задачи пролетариата. VI. Сельское хозяйство. / Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области.
7. Кризис революции и задачи пролетариата. VII. Эволюция советского государства и опасности бонапартизма / Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области.
8. Основные вопросы экономики и политики в переходный период // Большевик-ленинец. 1933. № 3 (апрель). Вып. II. / Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области.
9. Пап А. К итогам дискуссии о перманентной революции // Большевик-ленинец. 1933. № 3 (апрель). Вып. II. / Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области.
10. Папирмейстер Л. Письмо в редакцию журнала «Б.-Л»; По поводу замечаний т. Л.П. / Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области.
11. Пушас О. «К вопросу о шаблоне и безграмотности» // Новый ЛЕФ. 1927. № 2. С. 43–45.
12. Резник А.В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 82-103.
13. С.П. К дискуссии о перманентке // Большевик-ленинец. 1933. № 3. / Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области
14. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). М: Работник просвещения, 1928.
15. Сериио П. От прозрачности к непрозрачности в советском политическом дискурсе / Социолнгвистика и социология языка. Хрестоматия. Том 2. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербург, 2015. С. 609-636.
16. Слезкин Ю. Дом правительства. Сага о русской революции. М.: АСТ. Corpus 2019.
17. Троцкий Л. Борьба за культурность речи // Правда. 1923. 16 мая.
18. Троцкий Л. Культура и социализм // Новый мир. 1927. № 1. С. 166-184.
19. Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Изд. 2-е, допол., измен. и расшир. М.: АИРО-XXI, 2008.
20. Ф. С-ОВ, А.Г. Тезисы по экономполитике (к общеколлективной дискуссии) / Документ предоставлен ГУФСИН России по Челябинской области.
21. Фокин А. Тетради верхнеуральского политического изолятора: представление источника и размышления о его значении // Ab Imperio. 2017. №. 4. С. 177–194.
22. Шляпентох Д. // Советская власть — народная власть? = The Soviet Union — a popular state?: Очерки истории нар. восприятия сов. власти в СССР, 2003

References (transliterated)

1. Halfin I. *Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009.
2. Gusev A. V. «Sotsializm na konnoi tyage»: stalinskaya kollektivizatsiya derevni v otsenkakh kommunisticheskoi oppozitsii // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2019. № 6. S. 12-21.
3. Gusev A. V. Stalinizm glazami trotskistov: diskussii o kharaktere stalinskogo rezhima v srede levoi kommunisticheskoi oppozitsii v kontse 1920-kh – 1930-e gg. // Politicheskie i sotsial'nye aspekty istorii stalinizma. Novye fakty i interpretatsii. M., 2015. S. 7-18.
4. Krizis revolyutsii i zadachi proletariata. IX. Taktika i zadachi leninskoi oppozitsii / Dokument predostavlenn GUFSSIN Rossii po Chelyabinskoi oblasti.
5. Krizis revolyutsii i zadachi proletariata. V. Polozhenie rabochego klassa. / Dokument predostavlenn GUFSSIN Rossii po Chelyabinskoi oblasti.
6. Krizis revolyutsii i zadachi proletariata. VI. Sel'skoe khozyaistvo. / Dokument predostavlenn GUFSSIN Rossii po Chelyabinskoi oblasti.
7. Krizis revolyutsii i zadachi proletariata. VII. Evolyutsiya sovetskogo gosudarstva i opasnosti bonapartizma / Dokument predostavlenn GUFSSIN Rossii po Chelyabinskoi oblasti.
8. Osnovnye voprosy ekonomiki i politiki v perekhodnyi period // Bol'shevik-leninets. 1933. № 3 (aprel'). Vyp. II. / Dokument predostavlenn GUFSSIN Rossii po Chelyabinskoi oblasti.
9. Pap A. K itogam diskussii o permanentnoi revolyutsii // Bol'shevik-leninets. 1933. № 3 (aprel'). Vyp. II. / Dokument predostavlenn GUFSSIN Rossii po Chelyabinskoi oblasti.

10. Papirmeister L. Pis'mo v redaktsiyu zhurnala «B.-L.»; Po povodu zamechanii t. L.P. / Dokument predostavljen GUF SIN Rossii po Chelyabinskoi oblasti.
11. Pushas O. «K voprosu o shablone i bezgramotnosti» // Novyi LEF. 1927. № 2. S. 43–45.
12. Reznik A.V. Trotskii i tovarishchi: levaya oppozitsiya i politicheskaya kul'tura RKP(b), 1923–1924 gody. Izd. 2-e, ispr. i dop. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. S. 82–103.
13. S.P. K diskussii o permanentke // Bol'shevik-leninets. 1933. № 3. / Dokument predostavljen GUF SIN Rossii po Chelyabinskoi oblasti
14. Selishchev A. M. Yazyk revolyutsionnoi epokhi: iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917-1926). M.: Rabotnik prosveshcheniya, 1928.
15. Serio P. Ot prozrachnosti k neprozrachnosti v sovetskom politicheskom diskurse / Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. Khrestomatiya. Tom 2. SPb: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburg, 2015. S. 609-636.
16. Slezkin Yu. Dom pravitel'stva. Saga o russkoi revolyutsii. M.: AST. Corpus 2019.
17. Trotskii L. Bor'ba za kul'turnost' rechi // Pravda. 1923. 16 maya.
18. Trotskii L. Kul'tura i sotsializm // Novyi mir. 1927. № 1. S. 166-184.
19. Uznik Lubyanki. Tyuremnye rukopisi Nikolaya Bukharina. Sb. dokumentov. Izd. 2-e, dopoln., izmen. i rasshir. M.: AIRO-XXI, 2008.
20. F. S-OV, A.G. Tezisy po ekonompolitike (k obshchekollektivnoi diskussii) / Dokument predostavljen GUF SIN Rossii po Chelyabinskoi oblasti.
21. Fokin A. Tetradi verkhneural'skogo politicheskogo izolatora: predstavlenie istochnika i razmyshleniya o ego znachenii // Ab Imperio. 2017. №. 4. S. 177–194.
22. Shlyapentokh D. // Sovetskaya vlast' — narodnaya vlast'? = The Soviet Union — a popular state?: Ocherki istorii nar. vospriyatiya sov. vlasti v SSSR, 2003

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

К изучению языка документов оппозиционеров-заключенных Верхнеуральского политического изолятора // Исторический журнал: научные исследования. Статья, написанная в русле исторического познания, посвящена проблемам прикладного языкознания и его части – культуре речи. Культура речи, в свою очередь, изучает те аспекты языка, которые непосредственно связаны с функционированием говорящего человека в обществе. Данное понимание обуславливает связи языкознания с другими науками. В этом ключе содержание статьи, с одной стороны, шире заявленной темы, а с другой – побуждает четче формулировать некоторые поднятые проблемы. В истории оппозиционных течений российской общественной мысли 1920-1930-х гг. характеристика лексического состава языка редко привлекала внимание. Автор статьи под языком понимает стилистические и риторические особенности выражения политических взглядов и дискурсивную практику. В рецензируемой статье анализу подвергнут сравнительно недавно обнаруженный в Челябинске комплект нелегальных рукописей, которые заинтересуют источниковедов, т.к. многие вопросы происхождения, авторства, условий создания и хранения документов остаются не выясненными. На первый взгляд, может показаться, что язык документа – основной предмет исследования. Но в выводах главное внимание автор уделит другим сюжетам, выделив замкнутость авторского коллектива из числа заключенных и, следовательно, оторванность (отставание) от быстро текущих изменений в политическом и идеологическом строе страны. Скрытая методологическая задача статьи выражена уже в первых строчках: анализ языка позволит приблизиться к более точному представлению о политическом «микрососме» небольшой группы и о политических реалиях, в которых они существовали. На актуальность поставленной темы автора «наталкивают немногие сохранившиеся свидетельства очевидцев, переживших тюремное заключение в Верхнеуральском изоляторе». Автор формулирует свои довольно обширные задачи следующим образом: «уместно задаться рядом взаимосвязанных вопросов: Как отразилось положение заключенных на их практиках письма? Был ли это язык сопротивления? Как выйти на «следы» речевых актов в нарративе? Следует ли рассматривать их как часть советского политического дискурса? Соответственно, можно ли выделить особый язык или стиль заключенных, «оппозиционный» стиль?». Но заданные вопросы порождают ощущение, что они предсказывают выводы. Историографический обзор содержит всего несколько имен. Текст вызывает аналогии с нелегальной печатью начала XX в. и, если подходить к комментируемым текстам как к нелегальной листовкам и прокламациям, то можно увидеть в них общее, которое хорошо бы в статье проанализировать. Стиль и структуру текста можно охарактеризовать как научный. Автор статьи основное внимание концентрирует на проблемах лексического состава документов, пытаясь сделать выводы о политической сути авторов документов и выделяет «устную форму дискуссий, бывшую составной частью субкультуры оппозиционеров» как социолингвистическую составляющую. Заметим, что в данном тексте уместно еще внести уточнение, что речь идет о репрессированных оппозиционерах. Автор рассматривает дискуссии о культуре, которые тесно перекликались с политической борьбой, как очень важный для осознания и понимания громадных культурных преобразований 1930-х гг. Содержание статьи нуждается в объяснении, что такое политический изолятор, чем он отличается от других лагерей ГУЛАГа. С точки зрения культуры речи автор подчеркивает, что найденные документы демонстрируют «стихийный процесс трансформации языка в годы войн и революций». В статье встречаются не очень удачные фразы («условия многолетнего тюремного заключения...»). Но судя по современным публикациям и воспоминаниям, срок содержания в данном политизоляторе не превышал трех лет и слово «многолетний» здесь использовано не очень удачно. В целом статья содержательна и интересна по постановке поднятых проблем, однако даже в научной статье желательно дать краткую информацию об изоляторе, условиях содержания, характеристику отдельных групп заключенных. Обязательно надо подчеркнуть, что иногда заключенным были доступны газеты, мог происходить обмен другой печатной продукцией. Поэтому был возможен обмен рукописями, чтобы создавать нелегальные (оппозиционные) тексты коллективно. Общий вывод, что «малограмотные творения сторонников, простота и грубость стиля заключенных троцкистов служит доказательством», что заключенные были не политической общностью, а «фанатичными последователями своего вождя». Статья написана на основе десятка первоисточников, полученных в Челябинске. Эти документы представляют собой достаточно надежную основу для анализа. Значительную часть библиографического списка составляет использованная новейшая литература. Высказанные суждения скорее направлены на расширение межпредметных связей и апелляцию к оппонентам, на растущий интерес читательской аудитории. Статья может быть опубликована в журнале и привлечет внимание разных слоев читателей.

Ссылка на эту статью

Просто выделите и скопируйте ссылку на эту статью в буфер обмена. Вы можете также [попробовать найти похожие статьи](#)

Резник А.В. К изучению языка документов оппозиционеров-заключенных Верхнеуральского политического изолятора // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 1. – С.39-47. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.1.34804. URL: https://e-notabene.ru/phznoi/article_34804.html

Другие сайты издательства:
[Официальный сайт издательства NotaBene / Aurora Group s.r.o.](#)
[Сайт исторического журнала "History Illustrated"](#)

Перепечатка материалов допускается только в некоммерческих целях со ссылкой на оригинал публикации. Охраняется законами Российской Федерации. Любые нарушения закона преследуются в судебном порядке. © ООО "НБ-Медиа"

